

А. А. Арсеньев

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И. Е. ВЕНИАМИНОВА

В апреле 1979 г. исполнилось 100 лет со дня смерти одного из виднейших представителей русской этнографической мысли XIX в. — Ивана Евсеевича Вениаминова, автора первого русского монографического описания коренного североамериканского населения, видного деятеля Русской Америки, память о котором до сих пор хранят жители бывших российских владений в Америке.

Русская Америка — обширная область, включавшая Аляску, Алеутские острова и колонию Росс в Северной Калифорнии, — в XVIII — первой половине XIX в. осваивалась русскими землепроходцами, купцами и моряками. История этих земель неразрывно связана с историей их открытия, освоения и исследования. Многочисленные научные экспедиции в этот регион в XIX в., деятельность Российско-Американской компании принесли науке большое количество материала, в том числе сведения о народах, населявших северо-западную часть Американского континента. Дневники, журналы, записки путешественников, дополненные богатыми коллекциями, собранными в то время, содержат описания культуры и быта местного населения, его общественного строя и взаимоотношений с русскими колонистами.

Значение этих материалов трудно переоценить. Племена эскимосов, алеутов и индейцев, населявшие области бывшей Русской Америки, претерпели с тех пор огромные изменения. Многие черты их традиционной хозяйственной и культурной жизни исчезли, процесс стирания этнических граней и специфики, начавшийся при русских, еще более активизировался после продажи Аляски США¹. Поэтому сведения и коллекции, собранные путешественниками и исследователями XVIII—XIX вв., во многом уникальны.

Деятельность русских исследователей в американских колониях — яркая страница истории развития отечественной этнографии, она проливает свет не только на историю Российского государства, но и на этническую историю коренного населения Северной Америки.

В изучение народов этого региона внесли вклад такие известные путешественники и ученые, как К. Т. Хлебников, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангель, И. Г. Вознесенский, Л. А. Загоскин и др. К 30-м гг. XIX в. накопленный этнографический материал позволял уже приступить к монографическому описанию отдельных народов. Автором та-

¹ О положении коренного населения Аляски после 1867 г. см. *Н. А. Лопуленко. Коренное население Аляски: современное положение и борьба за равноправие. — «Расы и народы», в. 7. М., 1977.*

кой первой русской монографии, посвященной алеутам и тлинкитам, стал миссионер И. Е. Вениаминов.

И. Е. Вениаминов (Иван Евсеевич Попов) родился 26 августа 1797 г. (все даты даются по старому стилю) в селе Ангинском Иркутской губернии в семье сельского пономаря. С 1808 по 1818 г. учился в Иркутской семинарии, где получил «для благозвучия и за успехи в богословии» новую фамилию — Вениаминов — в память умершего епископа Иркутского. Молодой семинарист интересовался общественными и естественными науками, имел возможность пользоваться семинарской библиотекой, насчитывавшей 12 тыс. томов. К сожалению, написанные Вениаминовым воспоминания о своей юности сгорели в 1858 г.², и у нас нет достоверных данных о времени его обучения в семинарии и о его научных интересах. По окончании семинарии И. Е. Вениаминов был назначен дьяконом, а затем священником Благовещенской церкви в Иркутске.

В начале 1823 г. в Иркутске был получен указ Синода о необходимости посылки священника в Российские владения в Америке, но желающих ехать не оказалось. Именно в это время Вениаминов познакомился с Иваном Крюковым — «выходцем из Алеутских островов», прожившим там 40 лет, и, слушая его рассказы об алеутях, «вдруг, можно сказать, весь загорелся желанием ехать к таким людям»³. 7 мая 1823 г. Вениаминов с семьей отправляется в путь «в новую часть Света»; на Уналашку они прибывают 29 июля 1824 г.

«...Под ведомством Уналашкинского священника отца Иоанна Вениаминова находились собственно острова Лисьи и Прибылова, а также Михайловский редут на севере [в заливе Нортон]. Церковь же в этом отделе [на Уналашке] была построена самим отцом Вениаминовым»⁴. Миссионер постоянно разъезжал по приходу, выезжал и за его пределы — был в Новоалександровском редуте на р. Нушагак и в редуте Колмакова⁵, общался с коренными жителями, и чем больше он узнавал их, чем лучше понимал их язык, тем глубже вникал в их заботы и тревоги, в их мир. Позднее он напишет: «...чем более я знакоюсь с дикими, тем более убеждаюсь, что все, так называемые дикие, гораздо-гораздо лучше весьма многих, так называемых просвещенных, в нравственном отношении»⁶. И еще: «...гостеприимство, уважение к себе или к своему доброму имени, честность в данном слове, готовность помочь голодающим без всякого вознаграждения — есть общим обычаем едва ли не всех здешних туземцев»⁷.

Путешествия по островам способствовали изучению местных языков, чему на протяжении всей своей деятельности И. Е. Вениаминов уделял много внимания. Он тщательно фиксировал все собранные сведения, затем разбирал и систематизировал их. В результате появляются переводы «Катехизиса», «Евангелия от Матфея» на алеутский язык (1828 г.) и «Опыт грамматики алеутско-лисийского языка» (изданный Синодом и Академией наук лишь в 1846 г.⁸), который не утратил своего значения

² См.: [И. Е. Вениаминов] Автобиографическая записка.— «Творения Иннокентия Митрополита Московского и Коломенского. Собраны И. Барсуковым». М., 1886, кн. 1, с. 2.

³ И. П. Барсуков. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883, с. 12, 13.

⁴ П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. 1. СПб., 1861, с. 296.

⁵ Bishop Gregory (Afonsky). A history of the Orthodox Church in Alaska (1794—1917). Kodiak, Alaska, 1978, p. 49.

⁶ «Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. Письма собраны Ив. Барсуковым» (далее: *Иннокентий. Письма*), кн. 1. СПб., 1897, с. 102.

⁷ Там же, с. 104, 105.

⁸ Решение об опубликовании работы было принято на заседании Академии наук еще 21 февраля 1841 г. См. «Журнал Министерства народного просвещения», 1841, ч. XXVI, отд. 3, с. 7.

по сей день. При составлении «Опыта грамматики» автор преследовал не только практические, но и научные цели, считая, что книга эта «будет пригодна кому-нибудь для некоторого соображения о происхождении сего языка и для исторических догадок». «Не может быть,— пишет он,— чтобы Алеутский язык ... не имел сродного себе языка... или, по крайней мере, не показывал следов его происхождения, но до сих пор не известно наверное, от какого древнего языка происходит сей язык, совершенно отличный от живущих подле народов»⁹. Эта работа получила широкую известность и высокую оценку как в России (Шегрен, Шмидт, Воейков, Крачковский, Иохельсон), так и за рубежом (Шотт, Пинар, Пфицмайер). «Грамматика, составленная отцом Вениаминовым,— говорил А. И. Воейков,— дает понятие о самом богатстве и самой конструкции языка... Этот труд... открыл ученым новое поле для исследования языков»¹⁰.

Круг интересов Вениаминова был необычайно широк: он изучал природу, климат¹¹, предложил Главному правлению Российско-Американской компании наиболее разумные правила охоты на морских зверей, чтобы предотвратить таким образом их полное уничтожение, посадил первую и единственную до сих пор рощу деревьев — «рощу Бишопа Вениаминова» на Уналашке¹². Но большую часть своего времени он уделял людям, окружавшим его, причем не ограничивался пассивным наблюдением, а всеми силами старался улучшить жизнь алеутов — учил их различным ремеслам, в 1825 г. открыл на Уналашке училище для мальчиков, в котором не только преподавал, но и для которого составил все учебники¹³.

В 1834 г. его в виде поощрения «за десятилетние труды» перевели в Новоархангельск — столицу Русской Америки, где он, соприкоснувшись с новым, еще неизвестным ему народом — колошами (индейцами-тлинкитами), продолжил научные занятия. Плоды наблюдений этого периода вошли в его монографию¹⁴. В результате лингвистической работы появляются «Замечания о колошенском и кадьякском языках...», где он ставит серьезные научные вопросы — о происхождении американских народов и их языков и «если они [народы] произошли от одного корня... то каким образом разбились на части?»¹⁵.

В ноябре 1838 г. Вениаминов отплывает на корабле «Николай» в столицу России для доклада о состоянии православной церкви в Русской Америке. Здесь, в Петербурге, происходит головокружительный взлет его карьеры. Слава известного миссионера и талант ученого привлекли к нему внимание правящих кругов; 29 ноября 1840 г. он принимает монашеский постриг под именем Иннокентий, на следующий день он уже архимандрит, а 1 декабря Николай I утверждает его назначение епископом Камчатским, Курильским и Алеутским. С этого времени церковная

⁹ И. П. Барсуков. Указ. раб., с. 45, 46.

¹⁰ А. И. Воейков. Об этнографических трудах Московского Митрополита Иннокентия.— «Московские университетские известия», 1868, № 5.

¹¹ См. *Иннокентий*. Письма, кн. 1. Переписка с Ф. П. Литке, Ф. П. Врангелем.

¹² См. А. П. Окладников, Р. С. Васильевский. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976, с. 117.

¹³ Училище способствовало тому, что все алеуты Уналашки овладели грамотой. После отъезда Вениаминова оно продолжало действовать. В 1860 г. там обучались 50 мальчиков и 43 девочки (в основном алеуты). См. С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII в.— 1867 г.). М., 1971, с. 222.

¹⁴ [И. Е. Вениаминов] Записки об островах Уналашкинского отдела. Сост. И. Вениаминовым. СПб., 1840, ч. 1—3.

¹⁵ [И. Е. Вениаминов] Замечания о колошенском и кадьякском языках и отчасти о прочих российско-американских, с присовокуплением российско-колошенского словаря, содержащего более 1000 слов, из коих на некоторые сделаны замечания. Сост. Ив. Вениаминовым в Ситхе. СПб., 1846, с. 4, 5. Более подробно о лингвистическом материале в трудах Вениаминова см.: Е. Э. Бломквист. История изучения в России североамериканских языков (Из архива МАЭ).— «Сборник МАЭ», т. XXXI, Л., 1975.

деятельность оставляет все меньше возможностей для занятий наукой. Это с тревогой замечали передовые русские люди. «...Духа его не угашайте вашими камилавками и шапками», — писал еще в 40-х годах А. И. Тургенев¹⁶. Постепенно И. Е. Вениаминов все дальше отходит от научной работы. Будучи епископом, а потом (с 1850 г.) архиепископом, он уделяет основное внимание делам церкви. В 1868 г. Иннокентий становится Митрополитом Московским и Коломенским. Незадолго до смерти он был избран почетным членом Московского университета и этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Умер И. Е. Вениаминов 31 марта 1879 г. и погребен в Троицко-Сергиевской лавре.

Основной труд И. Е. Вениаминова — «Записки об островах Уналашкинского отдела» — венец его научной деятельности. Работа включает в себя три объемистых тома; первые два, содержащие итоги десятилетнего углубленного изучения лисьевских (восточных) алеутов, особенно ценны. В первый том включены описание природных условий островов и общие сведения о жителях, во второй — обстоятельная монография об алеутах Лисьих островов Алеутской гряды. Третий, дополнительный том содержит более краткое описание атхинских (западных) алеутов и колошей.

Кроме этой крупной работы, Вениаминов опубликовал ряд статей, являющихся выдержками (или, возможно, разработками) из «Записок»: «Мифологические предания и суеверия колош» (журнал «Сын Отечества», 1839, т. XI), «Население русских владений в Америке и разделение его» («Журнал Министерства внутренних дел», 1839, ч. XXXIV, № 10—12), «Способности и браки алеутов» («Журнал Министерства внутренних дел», 1840, ч. XXXVI, № 4—6), «Состояние православной церкви в Америке» («Журнал Министерства народного просвещения», 1840, ч. XXVI). Значительный интерес представляют письма ученого, собранные его биографом¹⁷.

Архив Вениаминова (за время его пребывания на Уналашке и на Ситхе) находился в архиве русской православной церкви в Америке и после продажи Аляски. В конце XIX в. на Уналашке «...бумаги его сохранялись в целости и замечательном порядке...»¹⁸. В настоящее время архив русской православной церкви на Аляске хранится в Библиотеке Конгресса США¹⁹ и еще мало использован исследователями. В 1975 г. некоторые документы из архивов США были получены Синодом русской православной церкви²⁰.

Какова же судьба трудов этого выдающегося русского этнографа?

Вскоре после выхода в свет «Записки» встретили горячее одобрение на страницах русских журналов, как заслуживающие «полного понимания всех русских, ученых и не ученых», где автор «имел случай показать себя как многосторонне образованного ученого, как успешного и верного наблюдателя и как замечательного писателя», что «доставит ему европейскую известность»²¹. В России «Записки» были изданы еще раз — в третьем томе «Творений Иннокентия...». Имя Вениаминова было широко известно во второй половине XIX в., но в первую очередь как

¹⁶ Цит. по: М. В. Степанова. И. Вениаминов как этнограф. — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 2, 1947, с. 312.

¹⁷ Иннокентий. Письма.

¹⁸ Николай (Зиоров), Епископ Алеутский и Аляскинский. Из моего дневника. Путевые заметки и впечатления во время путешествия по Аляске и Алеутским островам. СПб., 1893, с. 12.

¹⁹ С. Г. Федорова. Указ. раб., с. 40.

²⁰ См. «Журнал Московской Патриархии», 1978, № 1, с. 2—10.

²¹ Анонимные рецензии на «Записки...» И. Е. Вениаминова см. в журналах: «Библиотека для чтения», 1841, т. 48, отд. 5, с. 33—70; «Журнал Министерства народного просвещения», 1841, ч. XXXI, с. 186—198; «Маяк современного просвещения и образованности», 1841, т. XVI, с. 217—246; «Отечественные записки», 1841, т. XIV, отд. VI, с. 20—22.

знаменитого миссионера и деятеля церкви, а уж потом как ученого. Его биограф И. П. Барсуков, кроме «Писем...» и «Творений...», издал биографический труд, в котором, по словам рецензента (И. П. Минаева), собран «материал, важный не только для истории Русской церкви, но и для этнографа и историка русской мысли»²². В конце XIX в. вышла книга Е. Сысоева, посвященная только церковной деятельности Вениаминова²³.

Научный вклад И. Е. Вениаминова по достоинству был оценен лишь в советское время. «Это был даровитый и тонкий наблюдатель,— писал Л. Я. Штернберг.— Его обширная монография об островных алеутах... является единственным и последним источником для познания отошедшей культуры этого народа»²⁴. Одна из первых советских работ об алеутах — брошюра Е. Н. Елеонской²⁵ — не только написана под влиянием книги Вениаминова, но по существу является ее кратким конспектом. В 1947 г. была опубликована статья М. В. Степановой²⁶. Она посвящена научной деятельности Вениаминова, в ней анализируется лишь часть «Записок», касающаяся общественного строя алеутов. Но несмотря на это, ее статья — наиболее содержательная, и, пожалуй, лучшая работа о роли этого ученого в истории русской науки. О труде Вениаминова писал и С. А. Токарев, который подчеркнул, что этот труд «стоит совершенно особняком не только в ряду сочинений того времени о Русской Америке,— он занимает почетное место в мировой этнографической литературе»²⁷. В монографии С. Г. Федоровой о русском населении Аляски и Калифорнии «Записки» использованы как один из важнейших источников, и автор характеризует их как «всестороннее серьезное исследование, содержащее бесценный материал по истории, этнографии, лингвистике, флоре и фауне Алеутских островов»²⁸. Этнографическое наследие Вениаминова широко использовано в книге Р. Г. Ляпуновой, где ему отведено первое место среди работ «начального периода изучения алеутов»²⁹. На большой вклад Вениаминова в изучение природы и населения Русской Америки указал в своей книге А. И. Алексеев³⁰. «Удивительная судьба Ивана Попова» привлекла внимание А. П. Окладникова, который высоко оценил деятельность ученого, создавшего «настоящую энциклопедию природы и жизни алеутов»³¹.

Этнографические материалы Вениаминова часто использовали и зарубежные этнографы. Особенно подчеркивали их важность такие виднейшие исследователи этнографии алеутов, как А. Грдличка и У. С. Лафлин³². В США существуют три неопубликованных перевода «Записок» Вениаминова: два из них — неполные, рукопись третьего — полного перевода — хранится в библиотеке Университета Аляски, кото-

²² И. П. Минаев. Великий русский миссионер.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1884, ч. ССXXXV, с. 227.

²³ Е. Сысоев. Жизнь и подвиги Иннокентия, проповедника Евангелия на Алеутских островах. СПб., 1897.

²⁴ Л. Я. Штернберг. Этнография.— «Тихий океан. Русские научные исследования». Л., 1926, с. 154, 155.

²⁵ Е. Н. Елеонская. Алеуты. М., 1929.

²⁶ М. В. Степанова. Указ. раб.

²⁷ С. А. Токарев. История русской этнографии. М., 1966, с. 153; его же. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку.— «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1948, № 2.

²⁸ С. Г. Федорова. Указ. раб., с. 23.

²⁹ Р. Г. Ляпунова. Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII — первая половина XIX в.). Л., 1975, с. 32.

³⁰ А. И. Алексеев. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975, с. 280—285.

³¹ А. П. Окладников. От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова — «Вопросы истории», 1976, № 6, с. 127; см. также: А. П. Окладников, Р. С. Васильевский. Указ. раб.; А. Окладников, А. Конопацкий. «Здравствуйте, алеуты! Здравствуйте, русские!» (Из полевого блокнота Советско-американской археологической экспедиции 1974 г.). — «Сибирские огни», 1976, № 7.

³² А. Hrdlicka. The Aleutian and Commander Islands and their inhabitants. Philadelphia, 1945; W. S. Laughlin. Eskimos and Aleuts: their origin and evolution.— «Science», 1963, v. 142.

рый готовит ее к изданию³³. В широко известной библиографической работе по коренному населению Северной Америки, составленной американским ученым Дж. П. Мердоком, «Грамматика» и название ряда статей Вениаминова в переводе на английский, французский и немецкий языки занимают почетное место. Более того, название русской монографии XIX в. — «Записки об островах Уналашкского отдела» — возглавляет весь список литературы по алеутам³⁴.

Описанию алеутского общества посвящена большая часть «Записок», поэтому, думается, именно на эти разделы следует обратить особое внимание.

Одной из главных проблем, поднятых Вениаминовым, был вопрос о происхождении алеутов. «Давно ли здешние острова сделались обитаемы? и откуда пришли нынешние жители?» — спрашивает он и одним из первых пытается разрешить эту загадку. Основываясь на преданиях алеутов и на местных признаках, он делает вывод, что «нынешние алеуты суть первые, которые поселились на сих островах», и что алеуты и «прочие американцы» до переселения в Америку жили рядом — «первые южнее и ближе к Камчатке, а вторые севернее и ближе к Чукотке», но со временем под давлением других народов «принуждены были удалиться в нынешние места», первые — через Камчатку на Алеутскую гряду к Аляске, вторые, «и должно быть гораздо ранее», — через Берингов пролив (где, как он считал, в то время был сухопутный мост) в Америку³⁵.

Эти предположения намного опередили уровень науки того времени. Многие ученые XX в. подтверждают догадки о наличии древней Берингии, об азиатском происхождении алеутов, о пути их миграции³⁶.

Описание алеутов в труде Вениаминова охватывает все стороны их жизни. Он останавливается на их внешнем облике, «способностях», характеризует хозяйство, материальную культуру, общественный строй, народные знания.

Самоназвание алеутов — «унанган»; название «алеуты» им дали, по мнению автора, русские по словосочетанию, которое часто слышали от туземцев в разговоре — «алик уая, или алиуая, то есть что это, или что это такое?»³⁷. Кроме общего жители островов имели еще местные названия. Восточные (лисьевские) алеуты и самоназванием, и элементами быта отличались от западных (атхинских), что одним из первых подметил Вениаминов³⁸.

В «Записках» приводятся собранные самим исследователем антропологические данные, отмечается некоторая «неуклюжесть» алеутов на

³³ D. M. Jones, J. R. Wood. An Aleut bibliography. Fairbanks, 1975, p. 11—87.

³⁴ G. P. Merdok. Ethnographic bibliography of North America. New Haven, 1953, p. 3, 176.

³⁵ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 1, с. 103, 104, 107, 109, 112.

³⁶ Н. А. Береговая. Древнейшие культуры Аляски и вопрос о заселении Америки. — СЭ, 1948, № 4; Г. Ф. Дебец. Происхождение коренного населения Америки. — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 16, 1951; М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958; Н. Н. Диков. Открытие палеолита на Камчатке и проблемы первоначального заселения Америки. — «История и культура народов Севера Дальнего Востока». М., 1967; Ю. А. Мочанов. Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски. — СЭ, 1969, № 1; его же. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977; W. I. Jochelson. Archaeological investigation in the Aleutian Islands. Washington, 1925; A. Hrdlicka. Указ. раб.; H. B. Collins. Culture migration and contacts in the Bering Sea Region. — «American Anthropologist», 1937, v. 39; G. I. Quimby. Aleutian Islanders. Chicago, 1944; H. Field. Contributions to the anthropology of the Soviet Union. Washington, 1948; S. W. Laughlin, G. H. March. A new view of the history of the Aleuts. — «Arctic», 1951, v. 4, № 2; A. C. Spaulding. The current status of the Aleutian Archeology. — «Memoirs of the Society for American Archeology», 1953; S. W. Laughlin. Human migration and permanent occupation in the Bering Sea Area. — «The Bering Land Bridge». Stanford, 1967; T. Bank II. The Aleuts: clues to their origin. — «Explorers Journal», v. 55, № 4, 1977.

³⁷ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 2.

³⁸ Там же, ч. 2, с. 3, 220, 235; ч. 3, с. 2.

суше и «ловкость» их в море. Характерна точность и тщательность фиксации фактов, стремление понять наблюдаемое (например, хорошее состояние зубов алеутов объясняется тем, что они ихтиофаги)³⁹.

Такие черты характера алеутов, как гостеприимство, правдивость, сдержанность, обязательность, любовь к ближнему, вызывают восхищение Вениаминова. В то же время он с горечью, но откровенно говорит об их недостатках, к тому же «...нельзя не пожалеть, что от общения с русскими некоторые черты их характера делаются чернее и глубже». А общий вывод автора состоит в том, что характер у местного населения сложился под воздействием природных условий, культурной традиции и образа жизни — «при таком образе воспитания и жизни нельзя не быть алеутом по характеру»⁴⁰.

В описаниях внешнего вида, «способностей» и «характера» алеутов проявляются основные взгляды Вениаминова, в которых представления о «добром дикаре» сочетаются с идеологией христианского миссионера, признанием роли окружающей среды — с абсолютизацией значения человеческого разума. В общих теоретических высказываниях автора видны «эkleктические наслоения, начиная от поздних представителей просвещенческой философии XVIII в. до не глубоко воспринятого биологизма Блюменбаха»⁴¹.

Основу хозяйства алеутов составляла морская охота, служившая источником необходимых средств существования. Море и морской берег были «житницей» алеутов. Из шкур и костей морских животных и птиц делали элементы жилища, орудия, утварь, одежду и пр. Значительную роль играло морское рыболовство (ужением), промысел сезонной рыбы в реках, охота на птиц. Вспомогательный характер носили собирательство в литоральной зоне и сбор съедобных кореньев и ягод⁴².

Вениаминов приводит подробный календарь алеутов — «каждый месяц имел свое название от промысла зверей или появления их, или других обстоятельств; и поэтому названия их не совсем и везде одинаковы»⁴³. По календарю ясно прослеживается традиционный хозяйственно-бытовой цикл алеутов.

Автор детально описывает охоту на «морского зверя» (бобров, котиков, моржей и т. д.), дает исчерпывающую характеристику алеутской байдарке — «инженерному триумфу алеутов»⁴⁴ и другим средствам и орудиям морского промысла, сухопутной охоты и собирательства, уделяет внимание развитию ремесла, связанного с изготовлением орудий труда и предметов обихода. Эти данные широко использованы в работах советских этнографов⁴⁵.

Многие страницы «Записок» посвящены материальной культуре алеутов — описанию селений и жилищ, одежды, пищи и другого «имущества»⁴⁶.

По сведениям Вениаминова, в Уналашкинском отделе до прихода русских был заселен почти каждый остров и почти каждое удобное для

³⁹ Там же, ч. 2, с. 11.

⁴⁰ Там же, с. 63—65.

⁴¹ М. В. Степанова. Указ. раб., с. 311.

⁴² И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 205, 215—217, 223, 245, 387.

⁴³ Там же, ч. 2, с. 256. Названия месяцев в «Опыте грамматики...» немного отличаются от тех, которые приведены в «Записках».

⁴⁴ W. S. Laughlin. Human migration..., p. 425.

⁴⁵ Р. Г. Ляпунова. Орудия охоты алеутов. — «Сб. МАЭ», т. XXI, 1963; *её же*. Алеутские байдарки. — «Сб. МАЭ», т. XXII, 1964; *её же*. Морской зверобойный промысел алеутов. М., 1964; *её же*. Очерки по этнографии алеутов; Е. Бломквист, Б. Липшиц, Н. Шпринцин. Экспозиционная работа МАЭ АН СССР. — СЭ, 1948, № 4.

⁴⁶ Следует отметить, что в главе «Имущество» материал изложен Вениаминовым не совсем четко. Здесь автор нередко сбивается на описание современных ему явлений, отклоняясь от первоначального плана — восстановить картину алеутского общества до русской колонизации.

поселения место на островах. Селений там он насчитывает примерно 120. В каждом селении было от 40 до 70 однолучных байдарок и, следовательно, свыше 40 мужчин-охотников. Исходя из этого, автор устанавливает, что «число алеутов (в Уналашкинском отделе.— А. А.) в лучшие времена было от 12 до 15 тыс.»⁴⁷

Селения располагались главным образом по северному побережью Алеутского архипелага, «как более изобильному рыбою, плавником [стволы деревьев, обломки судов и деревянных построек, выброшенные прибоем на берег] и особенно китами»⁴⁸, и состояли из нескольких (от одного до шести) больших коллективных полуподземных жилищ («улягамах»). В «Записках» дается описание процесса и приемов строительства и внутреннего устройства такого жилища⁴⁹. «Нам не раз вспоминался рассказ Вениаминова,— пишет А. П. Окладников,— о древних жилищах, носивших название „улягамах“, когда мы в 1974 г. вели раскопки на Вилледж-Сайд, на „Деревенском поселении“ острова Анангула. Это, в полном соответствии с описанием Вениаминова, на самом деле были огромные котлованы, глубокие и просторные»⁵⁰. Рядом с селением на берегу моря стояли подставки для байдарок с оружием на случай нападения врага или появления «зверей» в море.

Так выглядели алеутские селения и жилища до прихода русских. Позже многое изменилось: исчезли большие общественные дома, большинство селений было перенесено на другие места, удобные для русских, многие исчезли. Вениаминов, пользуясь материалами переписи 1838 г., составил статистическую таблицу с данными о количестве селений и жителей в Уналашкинском отделе во время его пребывания там — 25 селений, 157 юрт, 182 байдарки, 1484 чел.⁵¹

В «Записках» красочно описывается традиционный быт, одежда, утварь и пища алеутов. Основная одежда — меховая парка и непромокаемая камлейка, обувь — торбоса — «как бы мешок, к которому пришивают выкроенную отдельно подошву». Вениаминов — один из немногих исследователей, кто заметил у алеутов особую разновидность одежды — «покрывало из травы, чисто сплетенное наподобие плаща (чугуюк)»⁵². Головные уборы, несмотря на суровый климат, отсутствовали. Лишь уходя на промысел, «чтобы хранить глаза от брызг морской воды», охотники надевали знаменитые алеутские деревянные шапки-козырьки (конические, закрытые сверху — у «тойонов», открытые, без верха — у остальных)⁵³.

Утварь алеутов «состоит из двух-трех деревянных калуг, или лукошек, костяных ложек и одной или двух фляжек (с костяною трубкою) для воды», «...общая у всех посуда для жиру суть пузыри сивучьи или нерпечьи»⁵⁴. Пищу составляли рыба, мясо морских животных и продукты собирательства; соль не употребляли. Запасами и приготовлением пищи ведали женщины.

Труд И. Е. Вениаминова, насыщенный сведениями о хозяйстве и материальной культуре алеутов, представляет собой важный источник для этнографа, хотя автор и упустил, а возможно, не включил сознательно (считая их неинтересными для читателя) некоторые факты, касающиеся

⁴⁷ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 1, с. 117. Высокую плотность расселения алеутов перед приходом русских подчеркивают и современные американские исследователи. См. Н. В. Collins, А. Н. Clark, Е. Н. Walker. The Aleutian Islands: their people and natural history. Washington, 1945, p. 2; Т. Бенк II. Колыбель ветров. М., 1960, с. 153.

⁴⁸ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 1, с. 200.

⁴⁹ Там же, ч. 2, с. 204—206.

⁵⁰ А. П. Окладников. От Анги до Уналашки..., с. 128.

⁵¹ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 202, 203.

⁵² Там же, с. 239. Фотографию алеутки в такой накидке приводит В. И. Иохельсон (W. I. Johelson. History, ethnology and anthropology of the Aleuts. N. Y., 1933, p. 60).

⁵³ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 218.

⁵⁴ Там же, с. 231, 238.

ся хозяйственной деятельности алеутов. Достоверность, правдивость фактов подтверждается исследованиями многих ученых XIX и XX вв., в частности археологическими раскопками 1907—1910 гг.⁵⁵ Описание оружия и орудий, одежды, утвари и пищи, полностью совпадающее с коллекциями МАЭ АН СССР⁵⁶, дополняет картину алеутского быта XVIII—XIX вв.

Ко времени прибытия Вениаминова в Русскую Америку деятельность Российско-Американской компании фактически привела к разрушению самобытности социальной структуры алеутов (хотя надо отметить, что имела место и тенденция сохранить некоторые, выгодные компании, формы традиционного хозяйства и культуры)⁵⁷, поэтому перед исследователем стояла задача реконструировать уже почти исчезнувшие отношения. Для этого автор применял знакомый каждому этнографу принцип историзма при опросе информаторов, использовал данные антропологии, лингвистики, фольклора. Фольклор как этнографический источник он характеризует так: «...сказки алеутов могут похвастаться очертанием их нрава, обычаев и образа жизни»⁵⁸.

Относительно совершенные средства производства, высокая квалификация охотников способствовали росту производительности труда алеутов и его большей эффективности. Основные промыслы велись коллективно, угождая были собственностью общины; в то же время один охотник в случае удачной охоты мог привезти большую добычу, самостоятельно обеспечив семью⁵⁹. Учитывая то, что основные средства производства (байдарки и орудия охоты) находились в индивидуальном владении⁶⁰, можно говорить о некоторой экономической обособленности отдельных семей. Индивидуализация труда вела к индивидуализации присвоения (еще с пережитками коллективного распределения⁶¹) и к выделению малой семьи из общины.

Существовавшие в сфере производства и распределения отношения создавали предпосылки для социального расслоения в общине. Вениаминов делит алеутское общество «на три сословия: почетных, простолюдинов, и калгов, или рабов»⁶², однако при анализе его же материалов получается, что существовали не три подразделения, а больше, как то: а) «тойоны» и их семьи, б) «собственно почетные», в) «простолюдины», г) «безродные» алеуты, д) «калги».

«Тойоны» и их ближайшие родственники, как пишет Вениаминов, представляли высшую категорию — потомственную родовую знать, отличающуюся лучшим жилищем, одеждой, наличием рабов, характером погребений⁶³. Власть тойона могла быть наследственной, но еще регулировалась «родовыми традициями и решениями старших». Наибольшая власть была у «старших тойонов», возглавлявших объединение нескольких родственных жилищ или селений со своими вождями-тойонами⁶⁴. Обитатели коллективного жилища с одним тойоном составляли, видимо, одну патриархальную домашнюю общину, а жители селения с несколькими тойонами — разросшиеся патриархальные общины, в кото-

⁵⁵ М. В. Степанова. Указ. раб., с. 300.

⁵⁶ Е. Бломквист, Б. Липшиц, Н. Шпринцин. Указ. раб.; Б. А. Липшиц. О коллекциях МАЭ; собранных русскими путешественниками и исследователями на Аляске и в Калифорнии.— «Сб. МАЭ», т. XVI, 1955; Т. К. Шафрановская. Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР. Л., 1979, с. 27—29.

⁵⁷ См. С. Г. Федорова. Этнические процессы в Русской Америке.— «Национальные процессы в США». М., 1973, с. 171, 172.

⁵⁸ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 278.

⁵⁹ Сообщения об индивидуальной охоте имеются в алеутском фольклоре. См.: И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 3, с. 20, 21, 23.

⁶⁰ Там же, с. 238.

⁶¹ Там же, с. 56.

⁶² Там же, ч. 2, с. 164.

⁶³ Там же, с. 81, 82, 239, 294.

⁶⁴ Там же, с. 99, 164—168; ч. 3, с. 13.

рых выделились новые, самостоятельные. Селения, объединенные под властью одного тойона, представляли собой формирующуюся территориально-соседскую общину⁶⁵.

«Собственно почетные» — это, по всей видимости, имущая прослойка и военная знать, накопившая в своих руках богатства — рабов, байдарки, орудия труда и оружие, одежду и украшения (пищевые запасы алеуты не накапливали)⁶⁶.

«Простолюдины», относившиеся к третьей категории, были рядовыми членами общины, редко владевшими рабами⁶⁷.

«Безродные алеуты» — «нестойкая группа промежуточного порядка между адоптированными членами общества и рабами»⁶⁸ — были экономически зависимы, лишены многих прав.

Низшую ступень на общественной лестнице занимали рабы — «жалги». Рабство в алеутском обществе было широко распространено в конце XVIII в. Некоторые алеуты «богатые и бойкие, или храбрые имели их [рабов] от 5 до 20»⁶⁹. Рабство в целом было патриархальным — рабы выполняли в основном домашнюю работу⁷⁰. Раб являлся меновой единицей; имущество, орудия труда, которые он использовал, принадлежали хозяину. Власть господина над рабом была неограниченной — существовал обычай убивать рабов после смерти хозяина. Дети рабов были рабами, но дети рабыни и свободного человека становились свободными⁷¹, т. е. рабство еще не полностью приобрело наследственный характер.

Судя по материалам Вениаминова, рабство у алеутов было развитым институтом, имело значительную давность и сохраняло патриархальные черты. Однако в руках знати постепенно концентрировалось некоторое количество рабов, что качественно меняло природу рабства. Можно сказать, что в обществе алеутов рабство еще не стало общественно-экономическим укладом, но уже было ведущим элементом, определявшим направление общественного развития.

Разделы «Записок», касающиеся системы родства и брачных отношений, были широко использованы Л. А. Файнбергом⁷², показавшим наличие в алеутском обществе матрилинейности, дуальной экзогамии, сорората и левирата. В «Записках...» мы находим указания на существование многоженства и братской полиандрии, одновременно матри- и патрилокальности, а также их переходных форм в виде брака посещением или временной матрилокальности до рождения первого ребенка, бытование обычаев авункулата и атальчества⁷³.

Наличие всех этих черт позволяет сделать вывод, что домашняя община алеутов имела все признаки патриархальной семьи при сосуществовании пережиточных черт материнской родовой общины. Иначе говоря, у алеутов, так же как и у их соседей — индейцев северо-западного побережья, «...материнско-родовая община уступила свое место более или менее сформировавшейся патриархальной семейной общине с присутствием ей дуализма переходного института от родовой общины к патриархальной семье»⁷⁴.

⁶⁵ См. Р. Г. Ляпунова. Очерки по этнографии алеутов, с. 118.

⁶⁶ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 230, 231, 239, 240.

⁶⁷ Там же, с. 165.

⁶⁸ М. В. Степанова. Указ. раб., с. 309.

⁶⁹ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 239.

⁷⁰ Там же, с. 73. Слова «раб» и «слуга» обозначались одним словом — «таляк». См.: [И. Е. Вениаминов] Опыт грамматики..., ст. 56.

⁷¹ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 77, 83—85, 165, 170.

⁷² Л. А. Файнберг. К вопросу о родовом строе алеутов. — «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», т. XXII. М., 1955; *его же*. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964.

⁷³ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 76—78, 108, 282.

⁷⁴ Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961, с. 261.

Высокая производительность труда в алеутском обществе создавала возможность производства избыточного продукта, поступавшего в обмен. «Лишь там, — писал Ф. Энгельс, — где... оказывается излишек производства над непосредственным потреблением, этот излишек предназначается на продажу и поступает в обмен»⁷⁵. Возникновению обмена у алеутов способствовало и их географическое положение. Благодаря ему они были торговыми посредниками между охотниками Берингоморья, к которым относились и сами, и населением тихоокеанского берега Америки, жившим в другой климатической среде и имевшим контакт с племенами внутренней части материка. Существовал и выросший на базе разделения ремесленного труда обмен между западными и восточными алеутами⁷⁶. Внутри алеутской общины имела место простейшая, «первоначальная» форма обмена через посредника⁷⁷, при которой «совершенно отсутствует понятие стоимости и соответствия стоимости обмениваемых благ»⁷⁸.

Для алеутов характерен был также потлач (Вениаминов называет его «торжественные празднества или игрушки»), устраивавшийся по праздникам и в случае смерти кого-нибудь из членов общины. Алеутский потлач носил архаичный характер, выражавшийся в ритуальных угощениях, плясках и раздаче подарков, как правило среди гостей, а не среди жителей своего селения⁷⁹. Сущность потлача у алеутов, как и у других народов, где он был отмечен, состоит в том, что, «содействуя становлению отношений собственности, он в то же время задерживает этот процесс, препятствуя накоплению большого количества богатств в одних руках. Он играет роль института перераспределения и уравнивания этих богатств»⁸⁰.

В жизни алеутского общества большую роль играли войны, причины которых Вениаминов видел в скудности естественных ресурсов и изолированности островов, в стремлении захвата женщин и рабов⁸¹. При описании «военного права» автор показывает выделение военной знати и структуру военной организации, отмечая, что войны происходили прежде всего в интересах тойонов и «почетных»⁸². Кроме «заграничных» войн, в ходе которых набегам подвергались аляскинские эскимосы и особенно кадьякцы, часты были и междоусобные стычки — из-за обладания промысловыми местами. Судя по этим данным, алеуты приближались к этапу развития, который был характерен для племен северо-западной Америки, переживавших эпоху развивающейся военной демократии.

Итак, анализируя данные Вениаминова о социально-экономических отношениях алеутов, можно прийти к выводу о наличии в алеутском обществе второй половины XVIII в. высокой производительности труда, имущественной и социальной дифференциации, эксплуатации и сходной с военной демократией организации общества. Стойкость некоторых форм древнего социального устройства Ф. Энгельс объяснял тем, что «новые социальные элементы... в течение поколений стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость того и другого не приводит к полному перевороту»⁸³. Это в полной мере относится и к алеутскому обществу. Судя по рекон-

⁷⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 228.

⁷⁶ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 99, 252, 253.

⁷⁷ Там же, с. 110, 111.

⁷⁸ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, с. 143.

⁷⁹ Описание потлача см.: И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 81—91; ч. 3, с. 12.

⁸⁰ Ю. П. Аверкиева. К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки.— «Американская этнография», в. 1. М., 1960, с. 74, 75.

⁸¹ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 93—95, 165.

⁸² Там же, с. 199.

⁸³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 26.

струкции алеутских социальных институтов, проведенной Вениаминовым, этот народ ко времени знакомства с ним русских находился на стадии перехода от доклассового общества к классовому.

Ни один добросовестный исследователь-этнограф не может обойти вниманием духовную культуру (религию, народное творчество и др.), как в зеркале отражающую уровень развития общества. Не составляет исключения и Вениаминов, уделивший значительное внимание этой стороне жизни алеутов.

В основе их религиозных верований лежало представление о существовании добрых и злых духов — «одни из них действовали более в пользу человека, а другие ко вреду». Существовало поклонение солнцу, луне, другим небесным телам, животным, птицам и явлениям природы. Особая роль отводилась шкуркам птиц — их считали воплощением семейных духов-покровителей⁸⁴.

При каждом селении имелось священное, заповедное место (аудагадах) для жертвоприношений, связанных с промысловым культом⁸⁵.

Шаманизм у алеутов переплетался с промысловым культом не так тесно, как у эскимосов⁸⁶. Роль шаманов в обрядах общественного значения была невелика, они «не имели никакого особенного участия и влияния на свадебные дела, похороны и даже на самые жертвоприношения». Шаманы считались посредниками между людьми и духами, их призывали для предсказания судьбы, укрощения стихий, лечения больных. Шаманство не приносило особой выгоды и имело скорее престижный характер⁸⁷. У атхинских алеутов шаманами могли быть и женщины⁸⁸. В целом религиозные воззрения алеутов соответствовали той переходной стадии развития, на которой находилось их общество.

Празднества («игры» и «игрушки») алеутов имели в основном ритуальную окраску и носили, с одной стороны, воспитательный, остререгающий, с другой — развлекательный характер. Вениаминов ярко, в деталях описывает эти события. В частности, один из праздников — «куган агалик» (явления злых духов) — служил «сильнейшим средством для удержания жен своих в послушании и для научения дочерей своих добродетели»⁸⁹. Этот праздник был связан с алеутскими тайными мужскими союзами, игравшими значительную роль в жизни их общества. Вениаминов не ставит вопрос о целях союзов, а ограничивается (подобно современному ему американским этнографам, представителям доморгановской этнографии) описанием их обрядовой стороны⁹⁰.

«Игрушки» другого типа — «частные или простые» — устраивались, «когда были приезжие, нечаянные гости», и состояли «единственно в попеременном пении и плясании хозяев и гостей»⁹¹.

И. Е. Вениаминов описывает национальную спортивную игру «какан»⁹², до сих пор бытующую, как и некоторые другие явления самобытной культуры, в алеутском обществе⁹³.

Автор приводит образцы фольклора, подразделяя его на три категории: предания, сказки и песни. Предания повествуют о происхождении людей, в частности алеутов, о их жизни до прихода русских, о потопе, о странствиях смельчаков, достигших северной оконечности Америки, о

⁸⁴ И. Е. Вениаминов, «Записки...», ч. 2, с. 109, 119, 120, 125; ч. 3, с. 2, 3.

⁸⁵ Там же, ч. 2, с. 121—123, 130—136. См. также: Р. Г. Ляпунова. Зооморфная скульптура алеутов. — «Сб. МАЭ», т. XXIV. М., 1967.

⁸⁶ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, с. 87—92.

⁸⁷ И. Е. Вениаминов. «Записки», ч. 2, с. 125, 126.

⁸⁸ Там же, ч. 3, с. 5.

⁸⁹ Там же, ч. 2, с. 309.

⁹⁰ М. В. Степанова. Указ. раб., с. 304.

⁹¹ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 2, с. 91—93.

⁹² Там же, ч. 2, с. 306, 307.

⁹³ «Народы Америки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. 1. М., 1959, с. 105.

междоусобных войнах, есть сказочное предание о борьбе вулканов Алеутской гряды друг с другом⁹⁴. Такие предания-легенды распевались во время общественных праздников.

«Число сказок алеутских,— пишет автор,— чрезвычайно велико, так что каждое селение имеет свои сказки». Некоторые из них он приводит во второй и третьей частях своего труда⁹⁵.

«Всякий остров и всякое селение непременно имело всегда... свои собственные песни и по несколько десятков». Сочинять их умел каждый алеут, не говоря уже о шаманах. Пели преимущественно одни мужчины. Песенный язык отличался от разговорного, но рифм и размера не было. Из всех песен Вениаминов выделяет «шаманские», «которые были петы только во время шаманства или призывания духов», и «сценические», «употреблявшиеся при их сценических представлениях»⁹⁶. В «Записках» приводятся тексты шести песен на алеутском языке и их переводы на русский язык⁹⁷.

Пели и танцевали алеуты под удары бубна — «единственного их музыкального инструмента»⁹⁸. Танцы воспроизводили охотничьи или мифологические сцены, причем исполнители надевали особые маски, изображавшие различных мифологических персонажей⁹⁹.

Сведения о религиозных верованиях и народном творчестве алеутов, приведенные Вениаминовым, помогают полнее представить жизнь алеутского общества накануне русской колонизации. Духовная культура алеутов (и, в частности, материалы о ней в «Записках») является важным, но, к сожалению, еще недостаточно изученным источником по истории и этнографии этого народа.

Появление «Записок» И. Е. Вениаминова было подготовлено всем ходом развития русской науки. При составлении их автор, по его словам, пользовался «замечаниями ученых путешественников гг. Постельса, Мортенса, Кастальского, Шамиссо, Воронковского и других»¹⁰⁰. Из переписки миссионера видно, что Ф. П. Литке снабжал его литературой, а к ранним этапам его работы причастны К. Т. Хлебников и Ф. П. Врангель. В Америке Вениаминов встречался с И. Г. Вознесенским¹⁰¹. Все эти контакты, очевидно, отразились на его научных взглядах и в известной степени помогли избежать провинциального дилетантизма, активно использовать современную ему методологию, данные антропологии, лингвистики и фольклора.

Будет ли справедливо видеть в этнографическом наследии И. Е. Вениаминова лишь «хранилище фактов» или, как он писал из скромности, «не более как материал или материалы, разложенные по сортам почти без всякой отделки»?

Безусловно, одно из достоинств его труда — обилие и разнообразие собранных сведений. Но то главное, что отличает его работу от многих других, — это исследовательский, научный подход к описываемым явлениям и фактам. Этнографические материалы не разбросаны беспорядочно, а расположены в соответствии с определенным планом, отражающим стремление ученого охватить как можно более полно все стороны жизни алеутского общества. Хотя концепция автора не была законченной системой взглядов, для нее характерны реализм, умение разграничить старые самобытные явления и нововведения, способность уловить внутреннюю связь фактов, осмыслить их с исторической точки зрения.

⁹⁴ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 1, с. 109; ч. 2, с. 96—98, 127—129, 271—277; ч. 3, с. 2, 15—17.

⁹⁵ Там же, ч. 2, с. 298, 299, ч. 3, с. 23—26.

⁹⁶ Там же, ч. 2, с. 298—301.

⁹⁷ Там же, ч. 2, с. 301—305; ч. 3, с. 20—22.

⁹⁸ Там же, ч. 2, с. 299.

⁹⁹ Там же, с. 90.

¹⁰⁰ И. Е. Вениаминов. «Записки...», ч. 1, с. 1.

¹⁰¹ А. И. Алексеев. Илья Гаврилович Вознесенский. М., 1977, с. 49, 50.

Благодаря объективности и историзму научное наследие Вениаминова сохраняет свое значение и в наши дни. Наконец, яркий и сочный язык книги помогает нам полнее представить картину жизни алеутов XVIII—первой половины XIX в.

«Записки об островах Уналашкинского отдела» и вся этнографическая деятельность их автора — выдающееся явление в научной жизни России середины XIX в., тот рубеж, с которого во второй половине века начинается бурное развитие русской этнографической мысли, подарившее отечественной науке имена Н. И. Надеждина, А. Н. Афанасьева, Д. Н. Анучина, М. М. Миклухо-Маклая и других выдающихся исследователей.

THE ETHNOGRAPHIC HERITAGE OF I. E. VENYAMINOV

The paper is devoted to I. E. Venyaminov, one of the most outstanding Russian ethnographers of the 19th century, who made an important contribution to the ethnography of the peoples of former Russian America and to Russian science as a whole. A clergyman and missionary, who for many years dwelt among the Aleuts and the Koloshes (the Tlinkit Indians), he made a profound study of their life, compiled the first grammar of the Aleut language, promoted the spread of literacy.

The paper briefly narrates the life and activity of I. E. Venyaminov; a description is given of the contents and an appraisal of the significance of the researcher's scientific heritage which comprises linguistic works, a number of articles on the Aleuts and the Tlinkits and a fundamental treatise in three volumes: «Notes on the islands of the Unalashka Division»; this was the first Russian monographic work on the aboriginal inhabitants of the Aleut Archipelago.